

ВЛАСТЬ: НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Б. Рассел

Перевод с английского С. Передерия, О. Шевченко¹

3. Формы власти²

Аннотация: В данной главе Бертран Рассел формулирует структуру проявления власти в социально-политических реалиях. Первое разделение на форму общественную и личную. Второе разделение на источники формы: традиционная власть, нагая и революционная власть. Рассел прослеживает, как меняются конкретные типы поведения и принятия решений, например, в рамках лично-революционной и общественно-революционной власти. Отдельную форму власти, не вписывающуюся в созданную схему, Рассел называет «властью закулисы». Большое значение придает Рассел выведению идеальных типов личности, характерных для той или иной формы власти: «священник», «маг», интеллеktуал», «руководитель», «политик». Без знакомства с данной работой Б. Рассела многие исследовательские приемы А. Арендт, М. Фуко или Дж. Агамбена не будут в должной мере оценены, а их генезис будет фрагментарен и не полон.

Ключевые слова: власть, биополитика, история власти, философия власти.

Власть можно определить как достижение намеченных целей. Следовательно, она представляет собой количественное понятие. Представим, что у двух человек имеются одинаковые желания. Если один из них реализует все желания, которые реализует другой, а ещё и другие желания, значит, у него больше власти, чем у другого. Однако не существует точного способа сравнения власти двух людей, один из которых может реализовать одну группу желаний, а другой – другую. Возьмём, например, двух художников, каждый из которых хочет писать хорошие картины и стать богатым. Один из них преуспевает в написании хороших картин, а другой – в обретении богатства. И невозможно оценить, кто из них имеет больше власти. Тем не менее, легко сказать: «А обладает большей властью, чем Б, если А достигает множества намеченных целей, а Б – лишь нескольких».

Существуют различные способы классификации форм власти, каждая из которых имеет свою практическую ценность. Во-первых, есть власть над людьми и власть над мёртвой материей или нечеловеческими формами жизни. Я буду уделять внимание, главным образом, власти над людьми, но не нужно забывать и о том, что главная при-

---

1 Перевод выполнен по изданию: Russell, B. Power: A New Social Analysis / B. Russell. – London, New-York : Taylor & Francis E-library, 2004. – 258 p. Переведена третья глава: «The forms of power».

2 Продолжение. Первые две главы книги были нами опубликованы: Б. Рассел Власть: новый социальный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 165–181.

чина перемен в современном мире – усиление власти над материей, что обусловлено развитием науки.

Власть над людьми можно классифицировать по способу влияния на отдельно взятых людей либо по типу задействованной социальной структуры³.

На отдельно взятого человека можно воздействовать следующими способами: А. Прямым физическим воздействием на его тело, например, когда человека сажают в тюрьму или убивают; Б. Поощрением и наказанием как средством побуждения к чему-либо, например, в виде предоставления работы или отказа от трудоустройства; В. Влиянием на воззрения человека, т. е. пропагандой в самом широком смысле этого слова. В последний из указанных пунктов я должен включить и возможность выработки желаемых привычек у других людей, например, с помощью военной муштры. Отличие здесь лишь в том, что в таких случаях действие следует без участия какого-либо ментального посредника, которого можно было бы назвать воззрениями.

Данные формы власти наиболее откровенно и просто проявляются в наших отношениях с животными, где маскировка и притворство не считаются чем-то необходимым. Когда визжащую свинью с верёвкой вокруг туловища поднимают на корабль, она подвергается прямому воздействию физической власти на её тело. С другой стороны, когда осёл из известной поговорки следует за морковкой, мы побуждаем его действовать согласно нашему желанию, убедив его, что это в его интересах. Промежуточным звеном между этими двумя случаями являются дрессированные животные, привычки которых сформированы наградами и наказаниями, и (хотя это немного иная ситуация) остальные овцы, которых побуждают подняться на борт корабля, силой затащив их вожака по сходням, добровольно следуют за ним.

Все эти формы власти представлены в человеческом обществе.

Случай со свиньёй иллюстрирует власть военных и полицейских.

Осёл с морковкой олицетворяет власть пропаганды.

Дрессированные животные демонстрируют собой власть «системы образования».

Овцы, следующие за своим безвольным вожакom (unwilling leader), иллюстрируют политику партий, когда, как это обычно бывает, уважаемый лидер находится в рабской зависимости от правящей клики или партийных боссов.

Применим данные эзоповские аналогии к возвышению Гитлера. Морковкой была нацистская программа (включающая, например, отмену банковских процентов); осёл был мелкой буржуазией. Овцами и их лидером были социал-демократы и Гинденбург. Свиньи (только в том, что касается их несчастий) были жертвами концлагерей, а дрессированными животными – миллионы людей, вскидывающих руку в нацистском приветствии.

---

³ В оригинале: «...or by the type of organisation involved». В данном случае понятие «организация» было бы прямым, но, наш взгляд, неверным переводом смысла. Рассел противопоставляет индивидуальность и общество как два полюса влияния. Речь не идет о каком-либо отдельном органе управления или политической инстанции, к чему подводят смыслы русского референта «организация». Для перевода мы взяли допускаемый словарями синоним «структура» и в качестве пояснения добавили отсутствующее у Рассела прилагательное «социальная».

Различие наиболее важных организаций можно увидеть исходя из той власти, которую они проявляют. Армия и полиция проявляют власть принуждения над телом; экономические организации, в основном используют поощрения и наказания в качестве стимулов и сдерживающих факторов; целью школы, церкви и политических партий является влияние на воззрения людей. Однако данные различия не являются очень чёткими, поскольку каждая организация использует и другие формы власти в дополнение к наиболее характерным для неё.

Власть Закона может проиллюстрировать эту весьма сложную структуру. Высшая власть Закона – это власть принуждения, проявляемая Государством. В цивилизованных сообществах физическое принуждение является (с некоторыми ограничениями) прерогативой Государства, а Закон – это свод правил, согласно которым государство использует данную прерогативу в отношении со своими гражданами. Однако Закон использует наказание не только для того, чтобы сделать нежелательные действия физически невозможными, но и в качестве побуждения. Штраф, например, не делает действие невозможным, а только лишь непривлекательным. Более того, и это гораздо более важный момент. Закон почти бессилён, когда его не поддерживает общественное мнение, как это можно было увидеть в Соединённых Штатах Америки во времена сухого закона или в Ирландии в восьмидесятые годы XIX века, когда «Лунатики» (moonlighters)⁴, пользовались симпатией большинства населения. Следовательно, Закон как сила воздействия на людей зависит от общественного мнения и настроения даже в большей степени, чем от власти полиции. Степень симпатии к Закону является одной из важнейших характеристик общества.

Это подводит нас к важнейшему отличию традиционной власти от власти приобретённой. Традиционная власть имеет на своей стороне силу привычки; ей не нужно ни оправдываться каждый момент, ни доказывать постоянно, что никакая оппозиция недостаточно сильна, чтобы ниспровергнуть её. Кроме того, она почти всегда связана с религиозными или квазирелигиозными верованиями, призванными показать, что сопротивление – это зло. Таким образом, она может опираться на общественное мнение в гораздо большей степени, чем это возможно для революционной или узурпированной власти. Это влечёт за собой два более или менее противоположных последствия. С одной стороны, традиционная власть, чувствуя себя в безопасности, не выискивает предателей и, вероятно, избегает активной политической тирании. С другой стороны, там, где сохраняются древние институты, несправедливость, к которой всегда склонны обладатели власти, санкционируется обычаем, существующим с незапамятных времён⁵

---

4 Оригинальный британский юмор Б. Рассела. На первом слое сравнение «алкоголиков» из США и «лунатиков» из Ирландии, получивших тотальное общественное одобрение. Второй слой более глубок. «Сухой закон» в США – это не только массовый алкоголизм, но и гангстерские войны, рост мафиозных структур – аномия в одной из высших своих форм, полностью одобряемых социумом. А вторая часть сравнения – «Лунатики» – это прозвище членов Ирландской национальной земельной лиги, уничтожавших по ночам посевы и скот английских помещиков и боровшихся против английских колонизаторов Ирландии. То есть иной полюс аномии, тоже вызывавший массовую социальную поддержку.

5 В данном случае перед нами элемент юридической лексики характерной, для англо-саксон-

(*immemorial custom*), и поэтому она может быть более вопиющей, чем это было бы возможно при новой форме правления, которая бы надеялась заручиться поддержкой народа. Господство террора во Франции иллюстрирует революционный тип тирании, а барщина – традиционный тип.

Власть, не базирующуюся на традиции или согласии, я буду называть «голой»⁶ (*naked*) властью. Её характеристики сильно отличаются от характеристик традиционной власти. А там, где сохраняется традиционная власть, характер режима почти в неограниченной степени зависит от его ощущения безопасности или незащищённости.

«Голая» власть обычно имеет милитаристский характер и может принимать форму либо внутренней тирании, либо иностранного завоевания. Её важность, особенно в последней из указанных форм, действительно очень велика – мне кажется, в большей степени, чем готовы признать многие современные «академические»⁷ историки. Александр Македонский и Юлий Цезарь своими сражениями изменили весь ход истории. Если бы не первый, Евангелия не были бы написаны на греческом языке и христианство не могли бы проповедовать на просторах всей Римской империи. Если бы не второй, французы не говорили бы на языке, происходящем от латыни, и католическая церковь вряд ли существовала бы. Военное превосходство белого человека над американским индейцем является ещё более неоспоримым примером силы оружия. Завоевание с помощью оружия было связано с распространением цивилизации в большей степени, чем любое другое действие. Тем не менее, военная мощь в большинстве случаев основана на какой-либо другой форме власти, такой, как богатство, технические знания или фанатизм. Я не утверждаю, что всегда происходит именно так. Например, в войне за испанское наследство гениальность Мальборо оказалась ключевым фактором для достижения желаемого результата. Но это следует рассматривать как исключение из общего правила.

Когда традиционной форме власти приходит конец, на смену ей может прийти не «голая», а революционная власть, пользующаяся добровольным согласием большинства или значительного меньшинства населения. Так было, например, в Америке во вре-

---

ской правовой семье. Это не метафора и не понятие из исторической науки, а строгий операциональный термин британского судопроизводства. Последнее выступает собственно источником права и является фундаментом всех общественно-политических институций Британии. А наиболее статусным доказательством в рамках судопроизводства является признание того или иного факта или явления таким, который соответствует обычаю, существующим с незапамятных времён (*immemorial custom*). В настоящее время эта система (обычное право) является также площадкой для возведения архитектуры международного права в формате обычного международного права.

6 С филологической точки зрения более верным был бы перевод «неприкрытая» власть. Однако, применяя термин «голая», мы учитываем современное развитие «телесного дискурса» в философии власти (толчком к которому и послужил переводимый нами текст). В частности, мы имеем в виду классическую работу: Агамбен Дж. *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь* (М., 2011), где акцентуация на биополитичность, телесность и разнообразие наготы власти являются важной составляющей философской рефлексии власти.

7 Кавычки присутствуют в оригинале текста.

мена Войны за независимость. Власть Вашингтона не обладала ни одним из признаков «голой» власти. Точно таким же образом во времена Реформации вместо католической церкви были созданы новые церкви, и их успех был в большей степени обусловлен согласием, а не силой. Если революционная власть желает утвердиться без особого применения «голой» власти, ей требуется гораздо более энергичная и активная поддержка народа, чем для традиционной власти. Когда в 1911 году была провозглашена Китайская республика, люди, получившие образование за пределами Китая, издали декрет о парламентской конституции. Но общественность проявила безразличие к этому, и режим быстро превратился в режим «голой» власти под властью враждующих тучунов (военных правителей). Единство, впоследствии достигнутое Гоминьданом, основывалось на национализме, а не на парламентаризме. То же самое часто происходило в Латинской Америке. Во всех этих случаях авторитет парламента, если бы он имел достаточную народную поддержку для достижения успеха, был бы революционным; но чисто военная власть, которая в действительности одерживала победу, была «голой».

Различие между традиционной, революционной и «голой» властью носит психологический характер. Я не называю власть традиционной только лишь потому, что она имеет древние формы: она также должна внушать уважение, которое отчасти обусловлено обычаем. По мере угасания этого уважения традиционная власть постепенно превращается в «голую» власть. Данный процесс можно было увидеть в России, наблюдая за постепенным ростом революционного движения вплоть до момента его победы в 1917 году.

Я называю власть революционной, когда она зависит от большой группы людей, объединённых новой идеологией, программой или настроениями в обществе. В качестве примеров можно привести протестантизм, коммунизм или стремление к национальной независимости. Я называю власть «голой», когда она возникает просто из властолюбивых импульсов отдельных людей или групп и добивается от своих подданных только подчинения через страх, а не активного сотрудничества. Очевидно, что «нагота» власти – понятие относительное. В демократической стране власть правительства не является «голой» по отношению к оппозиционным политическим партиям, однако по отношению к убеждённому анархисту является таковой. Точно так же там, где существуют гонения, власть Церкви является «голой» по отношению к еретикам, но не по отношению к грешникам в традиционном понимании этого термина (*orthodox sinners*)⁸.

Ещё одно разделение объекта нашего исследования касается власти организаций и власти отдельных людей. То, как организация приобретает власть, – это одно дело, а то, как человек приобретает власть внутри организации, – совсем другое. И то, и другое, ко-

---

⁸ Прямой перевод – «Православные грешники». Однако следует учесть, что Б. Рассел не являлся верующим человеком, напротив, он выступал как последовательный атеист. Также сфера его деятельности не осуществлялась в регионах, где православие является олицетворением греха и ереси (например, в Польше). В третьих, нет оснований считать, что Рассел придавал серьезное значение разным системам метафизики греха в Православии и, например, Лютеранстве. Поэтому мы сочли дать поясняющие слова раскрывая словосочетание Рассела как традиционный взгляд на грешников.

нечно, взаимосвязаны: если вы хотите стать премьер-министром, вы должны получить власть в своей партии, а ваша партия должна получить власть в стране. Но если бы вы жили до упадка принципа наследственности, вам пришлось бы стать наследником монарха, чтобы получить политический контроль над нацией. Это, однако, не позволило бы вам завоевать другие народы, ведь для тогда бы вам понадобились качества, которых часто не хватает сыновьям монархов. В настоящее время аналогичная ситуация все ещё существует в экономической сфере, где плутократия в значительной степени является наследственной. Вспомните о двухстах плутократических семьях во Франции, против которых выступают французские социалисты. Но династии плутократов не обладают той степенью постоянства, какой прежде обладали королевские династии, потому что им не удалось добиться широкого признания доктрины Божественного Права. Никто не считает богопротивным деянием то, что новоявленный финансовый магнат разоряет того, кто является его сыном, при условии, что это делается согласно правилам и без каких-либо незаконных нововведений.

Разные типы организаций возводят на вершину и разных людей, и разные состояния общества. Эпоха проявляется в истории благодаря своим выдающимся личностям и формирует свои характерные черты, а также является производным от характера этих людей. По мере того, как меняются качества, необходимые для достижения известности, меняются и выдающиеся люди. Следует предположить, что такие люди, как Ленин, были в двенадцатом веке, и что есть люди, подобные Ричарду Львиное Сердце, в настоящее время. Но история их не знает. Давайте вкратце рассмотрим типы личностей, порождённые различными типами власти.

Наследственная власть породила наше понятие «джентльмен». Оно представляет собой в некотором смысле деградировавшую форму концепции, имеющей длинную историю, от магических свойств вождей через божественность королей до благородного рыцарства и аристократов голубых кровей. Качества, вызывающие восхищение там, где власть передаётся по наследству, являются результатом праздности и неоспоримого превосходства. Там, где власть носит аристократический, а не монархический характер, благородные манеры включают вежливое поведение по отношению к равным в дополнение к мягкому самоутверждению в отношениях с людьми, имеющими более низкий статус. Но каким бы ни было преобладающее представление о нравах, только там, где власть является (или была до недавнего времени) наследственной, о людях будут судить по их манерам. «Мещанин во дворянстве» удостоивается лишь насмешек, когда он вторгается в общество мужчин и женщин, которые никогда не утруждали себя ничем, кроме изучения светских условностей. Восхищение всем тем, что связано с понятием «джентльмен», зависит от унаследованного богатства и должно быстро исчезнуть, если экономическая, а также политическая власть перестанут передаваться от отца к сыну.

Совсем другой тип личности выходит на передний план там, где власть достигается благодаря учёности или мудрости, настоящей или мнимой. Двумя наиболее важными примерами данной формы власти являются традиционный Китай и католическая церковь. В современном мире таких примеров меньше, чем на протяжении всей истории.

Кроме церкви, в Англии осталось очень мало примеров такой формы власти. Как ни странно, власть того, что преподносится как учёность, наиболее велика в самых диких сообществах и неуклонно уменьшается по мере развития цивилизации. Используя термин «учёность», я, конечно же, подразумеваю так называемую учёность, например, магов и знахарей. Двадцать лет обучения требуется для того, чтобы получить докторскую степень в Университете Лхасы, что необходимо для всех высших постов, кроме поста Далай-ламы. Данное положение во многом схоже с тем, что было в Европе в 1000-м году, когда Папа Сильвестр II слыл магом, потому что читал книги, и, следовательно, смог сделать церковь более могущественной, внушая метафизические ужасы.

Интеллектуал, каким мы его знаем, является духовным наследником священника; но распространение образования лишило его власти. Сила интеллектуала находится в зависимости от суеверий: почитания традиционного заклинания или священной книги. Из таковых кое-что сохранилось в англоязычных странах, как видно из отношения англичан к процедуре коронации и преклонения американцев перед Конституцией: соответственно, архиепископ Кентерберийский и судьи Верховного суда все ещё обладают некоторой традиционной властью учёных мужей. Но это лишь бледный призрак могущества египетских жрецов или китайских ученых-конфуцианцев.

В то время, когда типичной добродетелью джентльмена является честь, добродетелью человека, достигшего власти посредством обучения, является мудрость. Чтобы снять себе репутацию мудреца, человек должен казаться обладающим запасом мудрёных знаний, властью над своими страстями и знатоком людских нравов. Считается, что только возраст даёт некоторые из этих качеств; следовательно, слова «пресвитер», «сеньор», «олдермен» и «старейшина» являются терминами, обладающими уважительной коннотацией. Китайский нищий обращается к прохожим со словами «великий пожилой господин». Но там, где организована власть мудрецов, существует сообщество жрецов или интеллектуалов, в среде которых, как считается, и сосредоточена вся мудрость. Мудрец – это тип личности, кардинально отличающийся от благородного рыцаря. И он создаёт совершенно иное общество там, где правит. Китай и Япония иллюстрируют данный контраст.

Мы уже отмечали тот любопытный факт, что, хотя знания в наше время играют в цивилизации более значительную роль, чем когда-либо прежде, не наблюдается соответствующего роста власти среди тех, кто обладает новыми знаниями. Хотя электрик и телефонист занимаются странными вещами, которые служат нашему комфорту (или дискомфорту), мы не рассматриваем их как знахарей и не верим в то, что они могут вызвать грозу, если мы их будем раздражать. Причина в том, что научные знания, хотя и трудны для понимания, но не являются тайной, а открыты для всех, кто пожелает предпринять необходимые усилия для овладения ими. Таким образом, современный интеллектуал не внушает благоговения, а остаётся простым наёмным работником. За исключением нескольких случаев, таких, как архиепископ Кентерберийский, которому не удалось унаследовать очарование, которое давало власть его предшественникам.

По правде говоря, почтение, оказываемое учёным людям, никогда не оказывалось за подлинными знаниями, оно предполагало уважение за обладание магическими способ-

ностями. Познакомив людей в какой-то мере с сущностью природных процессов, наука разрушила веру в магию и, следовательно, почитание интеллектуалов. Следовательно, выходит так, что, хотя люди науки и являются основной причиной особенностей, отличающих наше время от прежних веков и оказывающих через свои открытия и изобретения неизмеримое влияние на ход событий, они, как личности, лишены той репутации мудреца, какую может иметь в Индии обнаженный факир или в Меланезии знахарь. Интеллектуалы, обнаружив, что их престиж ускользает от них в результате их же собственной деятельности, становятся недовольными современным миром. Те, в ком меньше всего неудовлетворённости, увлекаются коммунизмом, а те, в ком она засела глубже, запираются в своей башне из слоновой кости.

Рост крупных экономических организаций породил новый тип влиятельной личности – «руководителя», как его называют в Америке. Типичный «руководитель» производит впечатление человека, способного быстро принимать решения, сразу понимать характер людей и обладающего железной волей. У него должен быть волевой подбородок, плотно сжатые губы и привычка говорить коротко и резко. Он должен уметь вызывать уважение у равных ему людей и доверие у подчинённых, которые отнюдь не ничтожества. Он должен сочетать в себе качества великого полководца и великого дипломата: беспощадность в бою, но способность к искусной уступке в переговорах. Именно благодаря таким качествам люди приобретают контроль над важными экономическими организациями.

При демократическом строе политическая власть имеет тенденцию принадлежать людям, тип личности которых значительно отличается от трёх типов, рассмотренных нами выше. Политик, если он хочет добиться успеха, должен уметь завоевать доверие своей машины⁹ (machine), а затем пробудить определённую степень энтузиазма у большей части электората. Качества, необходимые для данных двух этапов на пути к власти, отнюдь не идентичны, и многие люди обладают лишь одним из них. Кандидатами в президенты в Соединённых Штатах Америки нередко являются люди, которые не могут потрясать воображение простого народа, хотя и обладают искусством заискивать перед партийными руководителями. Такие люди, как правило, терпят поражение, но партийные руководители не предвидят их поражения. Однако иногда машина способна обеспечить победу человека, не обладающего «харизмой». В таких случаях она доминирует над ним

---

⁹ Рассел использует сокращённый термин из лексики конца девятнадцатого-начала двадцатого века: «political machine». Речь идет о социальных структурах политико-коммерческой направленности, которые мобилизовывали достаточное количество лояльных избирателей, чтобы систематически выигрывать выборы при избрании того или иного кандидата. Причем эти машины носили строго локальный характер и были особенностью американской избирательной жизни, редко разрастаясь до уровня целого штата, не говоря уже о том, чтобы выйти на общенациональный уровень. После 60-70-х гг. XX века они перестали играть существенную роль. А сама «машинная» процедура трансформировалась в «machine politics». Последняя имеет в виду обмен выборной должности на правительственную при условии передачи голосов избирателей договорному кандидату. В современном российском слэнге ближе всего к последнему термину неологизм «договорняк». Впрочем, на момент написания книги political machine сохраняла свои изначальные функции и выступала важным элементом американских выборов.

после его избрания, и он никогда не достигает реальной власти. Иногда, наоборот, человек способен создать свою собственную машину. Примерами тому служат Наполеон III, Муссолини и Гитлер. Чаще всего действительно успешный политик, хотя и использует уже существующую машину, в итоге способен контролировать её и подчинить своей воле.

Качества, формирующие успешного политика в условиях демократии, различаются в зависимости от характера времени; в спокойное время они не такие, как во время войны или революции. В спокойное время человек может преуспеть, производя впечатление солидности и рассудительности, но во времена потрясений нужно нечто большее. В такие моменты необходимо быть впечатляющим оратором – не обязательно красноречивым в общепринятом смысле, ибо Робеспьер и Ленин были не красноречивы, а решительны, страстны и смелы. Страсть может быть холодной и контролируемой, но она должна существовать и ощущаться. Во времена потрясений политику не нужны ни сила рассуждения, ни способность понимать безличные факты, ни толика мудрости. Чем он должен обладать, так это способностью убеждать множество людей в том, что то, чего они страстно желают, достижимо, и что он, благодаря своей жестокой решимости, является человеком, способным достичь этого.

Самые успешные демократические политики – те, кому удалось отменить демократию и стать диктаторами. Это, конечно, возможно только при определённых обстоятельствах. Никто не смог бы достичь этого в Англии девятнадцатого века. Но когда это осуществимо, требуется лишь высокая степень тех же качеств, которые необходимы демократическим политикам вообще, во всяком случае, во времена потрясений. Ленин, Муссолини и Гитлер обязаны своим появлением демократии.

После установления диктатуры качества, благодаря которым человек приходит на смену умершему диктатору, совершенно отличаются от тех, благодаря которым диктатура была первоначально установлена. Политиканство, интриги и благосклонность суда становятся самыми важными методами, когда наследственность власти отвергается. По этой причине диктатура обязательно очень сильно меняет свой характер после смерти её основателя. А поскольку качества, благодаря которым человек становится преемником при режиме диктатуры, обычно менее впечатляющие, нежели те, благодаря которым режим был установлен, существует вероятность нестабильности, дворцовых переворотов и окончательного возврата к какой-то другой системе. Однако есть надежда, что современные методы пропаганды смогут успешно противостоять данной тенденции, создавая популярность Главе государства без необходимости проявления с его стороны каких-либо качеств, популярных в народе. Насколько такие методы могут быть успешными, пока что сказать невозможно.

Есть одна форма власти отдельных личностей, которую мы ещё не рассмотрели, а именно власть закулисы: власть придворных, интриганов, шпионов и политиканов. В каждой крупной организации, где люди, находящиеся «у руля», обладают значительной властью, есть и другие, менее известные мужчины (или женщины), которые оказывают воздействие на лидеров с помощью личного влияния. Политиканы и партийные боссы относятся к одному типу личности, хотя их методы различаются. Они незаметно ста-

вят своих друзей на ключевые посты и со временем контролируют организацию. При диктатуре, которая не передаётся по наследству, такие люди могут надеяться стать преемниками диктатора после его смерти. Но в целом они предпочитают не выходить на передний план. Эти люди любят власть больше, чем славу; часто они проявляют робость в общественных отношениях. Иногда, подобно евнухам в восточных монархиях или любовницам королей где-нибудь ещё, они по той или иной причине лишены официального (titular) руководства.

Их влияние наиболее велико там, где номинальная власть является наследственной и проявляется в наименьшей степени там, где это награда за личное мастерство и энергию. Однако такие люди, даже при самых современных формах правления, неизбежно обладают значительной властью в тех сферах, которые обычные люди считают таинственными. Из них наиболее важными в наше время являются валютная и внешняя политика. Во времена кайзера Вильгельма II барон Гольштейн (постоянный глава министерства иностранных дел Германии) обладал огромной властью, хотя и не появлялся на публике. Насколько велика власть постоянных чиновников в британском министерстве иностранных дел в настоящее время, мы не можем знать. Возможно, соответствующие документы станут известны нашим детям. Качества, необходимые для власти закулисы, сильно отличаются от тех, которые требуются для всех других видов власти, и, как правило, хотя и не всегда, являются нежелательными качествами. Следовательно, в целом, система, дающая большую власть придворному или политикану, вряд ли будет способствовать общему благосостоянию.

Сведения о переводчиках

Шевченко Олег Константинович – доктор философских наук, доцент, г. Ялта, Гуманитарно-педагогической Академии (филиал) «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Email: skilur80@mail.ru

Передерий Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, ст. преподаватель, г. Ялта.

Email: s-peredery@mail.ru

B. Russell

POWER: A NEW SOCIAL ANALYSIS

Translated from English by K. O. Shevchenko, N. S. Perederiy

Abstract: In this chapter, Bertrand Russell formulates the structure of the manifestation of power in the socio-political realities. The first division is into the public and private forms. The second division is into the form's sources: traditional power, naked power and revolutionary power. Russell traces how the specific types of behavior and decision-making change, for

example, within the framework of personal revolutionary and social revolutionary power. According to Russell, a separate form of power which does not fit into the created scheme is called «the power behind the scenes». Russell pays is much concerned with determining the ideal personality types characteristic of a particular form of power: «priest», «magician», intellectual, «leader» and «politician».

Without the acquaintance with this essay written by B. Russell, many research methods proposed by A. Arendt, M. Foucault or G. Agamben will not be properly appreciated, and their genesis will be fragmentary and incomplete.

Keywords: *power, biopolitics, history of power, philosophy of power.*

Shevchenko K. O. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» in Yalta.
Email: skilur80@mail.ru

Perederiy N. S. – Ph.D. in Philology, Senior Lecturer, Yalta.
Email: s-peredery@mail.ru